

Жюль Верн

ПЛАВУЧИЙ ОСТРОВ
♦
РОБУР-ЗАВОЕВАТЕЛЬ
♦
ВЛАСТЕЛИН МИРА

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
В 35

Перевод с французского
Якова Лесюка, Деборы Лившиц, Елены Лопыревой,
Надежды Рыковой, Анны Тетеревниковой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Владимира Гусакова

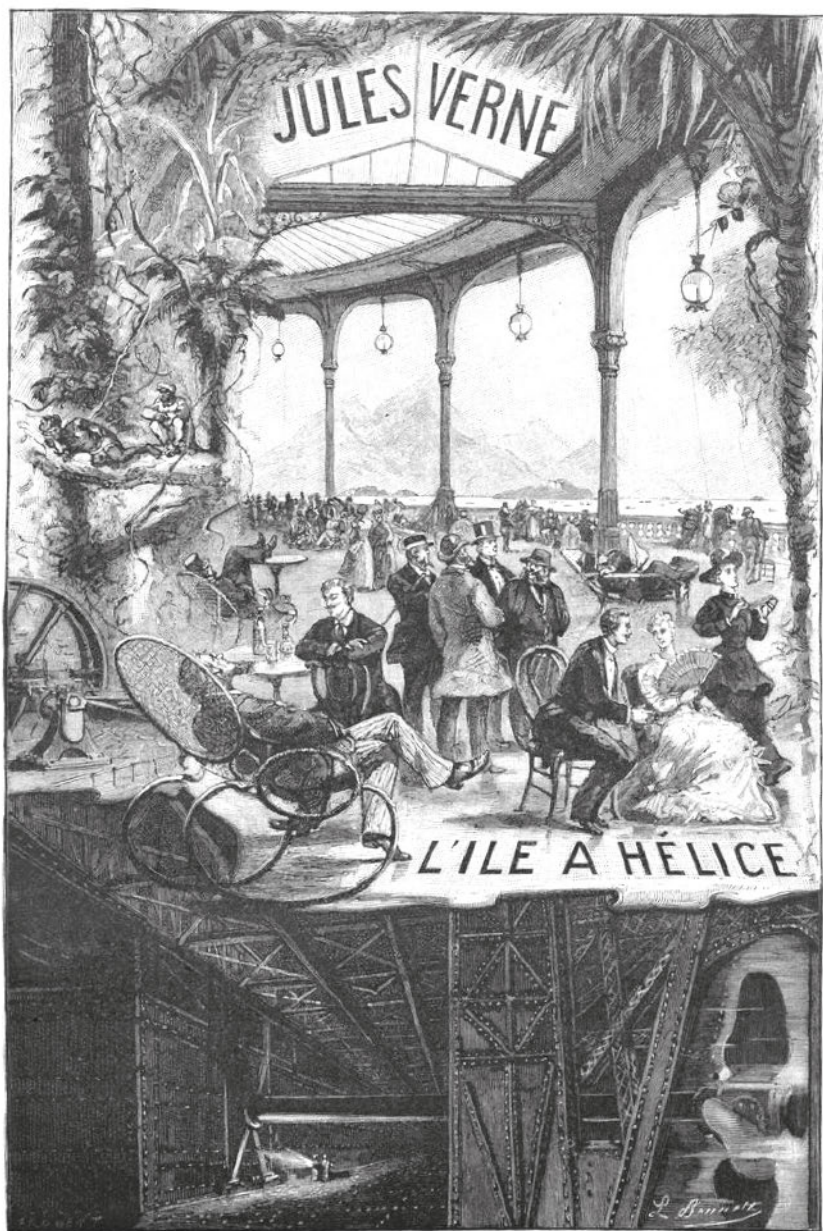
Иллюстрации
Леона Бенетта, Жоржа Ру, Георгия Фитингофа

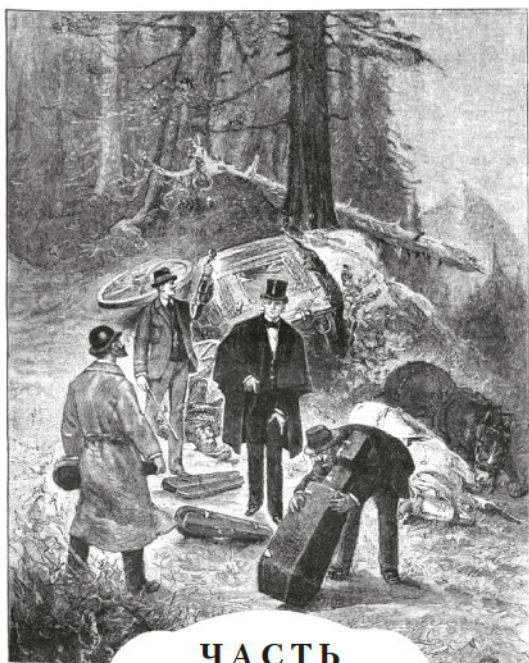
- © Н. Я. Рыкова (наследник), Е. А. Лопырева
(наследники), перевод, 2026
- © Д. Г. Лившиц (наследник), А. Н. Тетеревникова
(наследник), перевод, 2026
- © Я. З. Лесюк (наследник), перевод, 2026
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-33580-6

ПЛАВУЧИЙ ОСТРОВ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая КОНЦЕРТНЫЙ КВАРТЕТ

Если путешествие началось плохо, редко бывает, чтобы оно хорошо кончилось. Во всяком случае, такого мнения могли бы с полным основанием придерживаться четверо музыкантов, чьи инструменты валяются сейчас на земле. В самом деле, карета, в которую им пришлось пересесть на последней железнодорожной станции, внезапно опрокинулась на косогоре.

— Раненых нет?.. — спрашивает первый из них, быстро вскакивая на ноги.

— Я отделался царапиной, — отвечает второй, потирая щеку, порезанную осколком стекла.

— А я — ссадиной, — говорит третий, у которого на ноге проступило несколько капель крови.

В общем, все это пустяки.

— А моя виолончель?.. — восклицает четвертый. — Только бы с виолончелью ничего не случилось.

К счастью, футляры инструментов в полной сохранности. Ни виолончель, ни обе скрипки, ни алыт не пострадали, разве что придется их заново настроить. Ведь эти инструменты сработаны лучшими мастерами!

— Проклятая железная дорога! Так подвела нас на полпути!.. — говорит один.

— Проклятая карета! Вывалила нас в таком пустынном месте!.. — отвечает другой.

— И как раз, когда надвигается ночь, — добавляет третий.

— Хорошо, что наш концерт назначен только на послезавтра! — замечает четвертый.

И, потешаясь над собственной неудачей, наши музыканты изощряются в самых забавных шутках. Один из них, по обыкновению использующий в своих островах музыкальные выражения, изрекает:

— Недурно было бы *транспонировать* наш квартет в другую... карету!

— Пэншина, перестань! — прерывает его один из товарищей.

— Начинаем *в миноре*, — не унимается Пэншина.

— Да замолчишь ли ты наконец?..

Но Пэншина осмеливается добавить:

— ...И, насколько я понимаю, *в скрипучем* ключе!

Путешествие и в самом деле шло со скрипом и осложнениями, в чем читатель скоро сам сможет убедиться.

Все это сказано было по-французски, но могло быть произнесено и на английском языке, ибо члены нашего квартета благодаря частым разъездам по англосаксонским странам владеют языком Вальтера Скотта и Купера, как своим родным. Вот почему к своему вознице они обращаются по-английски.

Бедняга пострадал больше всех, потому что, когда сломалась передняя ось, он сорвался с козел. Впрочем, он отделался ушибами не очень серьезными, но довольно болезненными. Однако из-за вывиха ноги он не в состоянии передвигаться. Значит, необходимо найти какой-нибудь способ доставить его в ближайшее селение.

И право же, просто чудо, как все остались живы. Дорога извивается в гористой местности, то над глубокими пропастями, то вдоль шумных потоков, которые порою с большим трудом приходится переезжать вброд. Если бы передняя ось сломалась при спуске, можно не сомневаться в том, что карета опрокинулась бы в пропасть прямо на торчащие в ее глубине скалы, и тогда едва ли кому-нибудь из путешественников удалось бы остаться в живых.

Как бы там ни было, но карета пришла в негодность. Из двух лошадей одна, ударившаяся головой об острый камень, хрипит на земле. Другая получила довольно тяжелую рану в бедро. Итак, ни экипажа, ни лошадей.

В общем, не везет четверем артистам на дорогах Нижней Калифорнии. Два происшествия за одни сутки... Тут поневоле станешь философом...

Столица штата, Сан-Франциско, уже тогда имела прямое железнодорожное сообщение с Сан-Диего, который расположен почти на рубеже старой калифорнийской провинции. В этот довольно большой город и направлялись четверо путешественников, чтобы через день дать там концерт, о котором было заранее объявлено. В городе с нетерпением ожидали знаменитых артистов. Их поезд, накануне отправившийся из Сан-Франциско, был уже в каких-нибудь пятидесяти милях от Сан-Диего, когда случилась первая задержка, или, как выразился самый веселый член квартета, «когда они впервые *сбились с такта*» (можно простить такое выражение тому, кто в свое время получал награды за успехи в сольфеджио)¹.

Вынужденная задержка на станции Паскаль произошла потому, что железнодорожное полотно на протяжении трех-четырех миль было размыто внезапно вышедшей из берегов рекой. Продолжать путешествие по железной дороге оказалось невозможным, так как разлив произошел всего несколько часов назад и переправа в этом месте еще не была налажена.

Приходилось выбрать одно из двух: либо ждать, пока восстановят железнодорожный путь, либо нанять в ближайшем же селении какой-нибудь экипаж до Сан-Диего.

На этом последнем решении квартет и остановился. В соседней деревушке они обнаружили нечто вроде старого ландо, неудобного, с изъеденной молью обивкой и порядком-таки разбитого. Наняли его у владельца за сходную цену, прельстили кучера обещанием хорошо дать на чай и пустились в путь, захватив инструменты, но без багажа. Было около двух часов дня, и до семи вечера ехали, не испытывая особых трудностей и усталости. И тут-то музыканты *сбились с такта* во второй раз: карета опрокинулась, да так неудачно, что ехать в ней дальше оказалось невозможно.

А квартету остается еще миль двадцать до Сан-Диего!

Но спрашивается: почему четверо музыкантов, французы по национальности и вдобавок парижане, очутились в немыслимых калифорнийских дебрях?

Почему?.. Сейчас мы кратко поведаем об этом, а заодно и обрисуем беглыми чертами наших четырех виртуозов, которых слу-

¹ *Сольфеджио* — упражнение в пении для развития слуха.

чай, как взбалмошный режиссер, вводит в число действующих лиц этой необычайной истории.

В течение данного года — затрудняемся с точностью указать, какого именно из ближайших тридцати лет, — Соединенные Штаты Америки удвоили количество звезд на своем государственном флаге¹. Сейчас они достигли вершины хозяйственного развития, распространив свою власть на Канадский доминион до крайних пределов Ледовитого океана, на мексиканские, гватемальские, гондурасские, никарагуанские и коста-риксские земли до самого Панамского канала. В то же время захватчики-янки стали обнаруживать пристрастие к искусству, и если их продукция в области изящного остается количественно весьма скромной, если их национальный гений все еще не способен проявить себя в живописи, скульптуре и музыке, то по крайней мере вкус к произведениям искусства — явление у них широко распространенное. На вес золота скупаются картины старинных и современных мастеров для пополнения частных или государственных собраний и приглашаются за огромные деньги знаменитые певцы, драматические артисты и самые талантливые музыканты.

Что касается музыки, то меломаны Нового Света сперва увлекались Мейербером, Галеви, Гуно, Берлиозом, Вагнером, Верди, Массе, Сен-Сансом, Рейером, Массне, Делибом — знаменитыми композиторами второй половины XIX века. Затем понемногу до них стало доходить также более серьезное творчество Моцарта, Гайдна, Бетховена, и они стали углубляться в истоки того возвышенного искусства, которое мощным потоком захватило весь XVIII век. После опер — музыкальные драмы, после музыкальных драм — симфонии, сонаты, оркестровые сюиты. И как раз в то время, о котором у нас идет речь, различные штаты Конфедерации до безумия увлеклись сонатой. За полную ноту в сонате платили по двадцать долларов, за вторые доли — по десяти и по пяти долларов за четвертые.

И вот, узнав об этом повальном увлечении, четыре виртуоза решили отправиться в Соединенные Штаты Америки за богатством и славой. Четверо друзей, питомцы консерватории, были

¹ Количество звезд на американском флаге соответствует количеству штатов.

хорошо известны в Париже и весьма ценимы любителями так называемой «камерной музыки», до последнего времени мало распространенной в Северной Америке. С каким редким совершенством, с какой изумительной сыгранностью, с каким глубоким чувством исполняли они произведения Моцарта, Бетховена, Мендельсона, Гайдна, Шопена, написанные для струнного квартета — то есть для первой скрипки, второй скрипки, альты и виолончели! Без лишнего шума, безо всякого привкуса ремесленничества, и притом какое безукоризненное исполнение, какое неподражаемое мастерство! Успех, выпавший на долю нашего квартета, объясняется тем легче, что к этому времени публика начала уже уставать от мощных симфонических оркестров. Пусть музыка всего лишь художественно упорядоченные колебания звуковых волн — лучше все-таки, чтобы эти колебания не превращались в оглушительную бурю.

Словом, наши четыре концертанта решили приобщить американцев к неизъяснимо сладостной прелести камерной музыки. Итак, они отправились в Новый Свет, и в течение двух лет янки-меломаны не жалели для них ни рукоплесканий, ни долларов. Их музыкальные утреники и вечера усердно посещались публикой. Концертный квартет — под таким названием они выступали — еле успевал отзывать на приглашения из богатых частных домов. Без него не обходилось ни одно празднество, ни одно собрание, ни один раут, ни одно чаепитие, даже ни один прием на открытом воздухе, сколько-нибудь достойные общественного внимания. Благодаря такому повальному увлечению члены означенного квартета положили себе в карманы изрядные денежные суммы, которые, покойся они в сейфах нью-йоркского банка, составили бы уже порядочный капитал. Но почему бы не сознаться откровенно? Наши американизированные парижане тратят деньги без оглядки! Они и не думают о том, чтобы копить, эти принцы смычка, короли четырех струн! Им нравится жизнь, полная приключений, они уверены в том, что везде и всегда найдут хороший прием и хороший заработок — от Нью-Йорка до Сан-Франциско, от Квебека до Нового Орлеана, от Новой Шотландии до Техаса, — наконец, они ведь сами не так уж далеки от богемы, которая является самой старинной, самой очаровательной, самой любимой, достойной зависти «провинцией» нашей старой Франции!

Пожалуй, пора назвать каждого из них по имени и представить тем из наших читателей, которые не имели и никогда не будут иметь удовольствия их услышать.

Ивернес — первая скрипка; ему тридцать два года, рост выше среднего, у него не по возрасту стройная фигура, белокурые, выющиеся на концах волосы, гладко выбритое лицо, большие черные глаза, длинные пальцы, словно созданные для того, чтобы ловко охватывать гриф Гварнери. Всегда изящно одетый, Ивернес любит драпироваться в темный плащ и щеголять в шелковом цилиндре; он, может быть, не прочь порисоваться и уж во всяком случае легкомысленней всех в этой компании; он вовсе не озабочен соображениями выгоды и по натуре настоящий артист, восторженный поклонник всего прекрасного, талантливый виртуоз с большим будущим.

Фрасколен — вторая скрипка — тридцати лет. Средний рост и склонность к полноте причиняют ему немало огорчений; у него темные волосы и борода, большая голова, черные глаза, длинный нос с раздувающимися ноздрями и красными отметинами от пенсне в золотой оправе с толстыми стеклами — он очень близорук и не может обойтись без пенсне. Фрасколен — добрый малый, любезный и услужливый, готовый взять на себя любую обязанность, чтобы избавить от нее товарищей, бухгалтер и счетовод квартета, тщетно проповедующий бережливость, нисколько не завидующий успехам своего товарища Ивернеса и даже не помышляющий о том, чтобы самому возвыситься до пюпитра сольного исполнителя, но при всем том — прекрасный музыкант; в данный момент он одет в широкий пыльник поверх дорожного костюма.

Пэншина — альт, и, хотя он играет не на самом высоком по звучанию инструменте, друзья обычно именуют его «Ваше высочество»; ему двадцать семь лет, он самый юный в труппе и самый веселый, один из тех неисправимых балагуров, которые на всю жизнь остаются мальчишками. У него тонкие черты лица, живые умные глаза, рыжеватые волосы, тонкие усики, привычка прищелкивать языком, неискоренимое пристрастие к острым словечкам, неизменная готовность и на меткий выпад, и на возражение; он в постоянном возбуждении, что приписывает необходимости вечно разбираться в ключевых знаках, как того требует его инструмент («настоящая связка домашних ключей», по его выражению); у него неиссякаемый запас благодушия и способность

выкинуть любую шалость, не задумываясь о неприятностях, которые она может навлечь на товарищей, за что ему постоянно делает замечания, читает нотации и «мылит голову» глава Концертного квартета.

Поговорим теперь о главе квартета. Это — виолончелист Себастьян Цорн. Он старший среди них и по своему таланту, и по возрасту: ему пятьдесят пять лет, он маленький, круглый блондин, у него густые волосы без признаков седины, зачесанные на виски, взъерошенные усы сливаются с чащей бакенбард, кирпичный цвет лица, глаза, поблескивающие сквозь стекла очков, поверх которых он надевает еще и пенсне, когда разбирает ноты, пухлые руки, причем правая, привыкшая плавно двигать смычком, украшена толстыми перстнями на безымянном пальце и на мизинце.

Полагаем, что этого легкого наброска довольно, чтобы обрисовать человека и артиста. Если в течение сорока лет не выпускать из рук коробку, полную звуков, это не проходит безнаказанно. Это накладывает отпечаток на всю жизнь и влияет на характер. Виолончелисты бывают большей частью словоохотливы и вспыльчивы, говорят громко и словно захлебываясь, впрочем не без остроумия. Именно таков Себастьян Цорн, которому Ивернес, Фрасколен и Пэншина охотно доверили руководство музыкальным турне. Они предоставляют ему полную свободу и говорить, и действовать, поскольку он это делает весьма успешно. Привыкшие к его повелительным замашкам, они потешаются над ним, когда он теряет чувство меры и такта, что для музыканта непохвально, как замечает непочтительный Пэншина! Составление программы, разработка маршрутов, переписка с импрессарио — именно на Себастьяна Цорна возложены эти разнообразные дела, которые дают возможность его воинственному темпераменту проявлять себя в самых различных обстоятельствах. Единственное, во что он не вмешивается, это в вопросы, касающиеся денежных поступлений в общую кассу и совместных трат. Это поручено заботам второй скрипки и главного счетовода, точного и аккуратного Фрасколена.

Теперь члены квартета представлены читателю, как если бы они стояли перед ним на эстраде. Типы, к которым они относятся, общеизвестны и хотя, быть может, не слишком оригинальны, зато

резко отличаются друг от друга. Да позволит читатель развернуться до конца событиям этой необычайной истории: он увидит, как поведут себя четыре парижанина, которые, привыкнув срывать аплодисменты во всех штатах Конфедерации, окажутся перенесенными на... Однако не будем забегать вперед, «не будем *ускорять темпа*», как выразился бы «Его высочество», и вооружимся терпением.

Итак, около восьми часов вечера четверо парижан стоят на пустынной дороге в Нижней Калифорнии перед обломками опрокинувшейся кареты. «Не угодно ли — опера Буальдьё»¹, — пошутил Пэншина. Если Фрасколен, Ивернес и Пэншина отнеслись к происшествию философски, если оно даже вдохновило их на шутки профессионального характера, легко понять, что у главы квартета оно вызвало приступ ярости. Что поделаешь! Виолончелист — человек горячий и, что называется, вспыскивает, как порох. Потому Ивернес и уверяет, будто он прямой потомок Аякса и Ахилла, двух самых гневливых героев древности.

Не забудем, однако, добавить, что если Себастьян Цорн желчен, Ивернес мечтателен, Фрасколен благодушен, а Пэншина полон

¹ *Буальдьё* (1775–1834) — французский композитор; одна из его опер называется «Опрокинутая карета».

бьющей через край веселости — они все отличные товарищи и любят друг друга как родные братья. Они ощущают между собой связь, перед которой бессильны разногласия на почве личных интересов или самолюбия, — общность вкусов, почерпнутых из одного источника. Их сердца, как хорошо сработанные инструменты, всегда бьются в унисон.

Пока Себастьян Цорн ругается, ощупывая футляр своей виолончели, чтобы убедиться в ее целостности и сохранности, Фрасколен направляется к вознице.

— Ну как, приятель, — спрашивает он, — что же нам делать, скажите?

— А что будешь делать, когда нет ни лошадей, ни экипажа?.. Ждать...

— Ждать, пока они появятся! — восклицает Пэншина. — А если они так и не появятся...

— Надо их раздобыть, — замечает Фрасколен, которому никогда не изменяет практическое направление его ума.

— Где?.. — рычит Себастьян Цорн, бегая взад и вперед по дороге.

— Там, где их найдете! — отвечает кучер.

— Э, послушайте-ка, любезный возница, — и голос виолончелиста мало-помалу поднимается до верхних регистров, — это что за ответ? Хорошее дело... По своей неловкости вы нас вываливаете, ломаете карету, калечите лошадей, а потом говорите: «Выкручивайтесь, как знаете!»

Увлеченный потоком собственных слов, Себастьян Цорн начинает изливаться в бесконечных и по меньшей мере бесполезных упреках, но его прерывает Фрасколен:

— Дай-ка я с ним поговорю, старина Цорн.

Затем он снова обращается к кучеру:

— Где мы находимся, приятель?

— В пяти милях от Фрескаля.

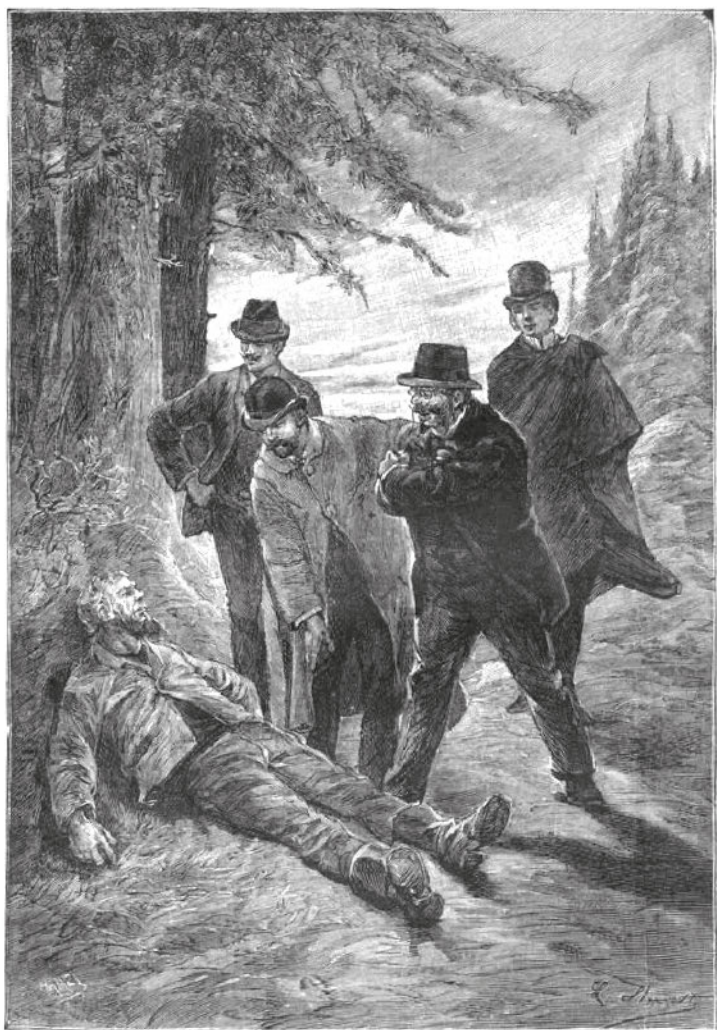
— Это железнодорожная станция?

— Нет... прибрежный поселок.

— А там найдется экипаж?

— Экипаж... вряд ли... тележка, пожалуй, найдется...

— Запряженная волами, как во времена меровингских королей! — восклицает Пэншина.

— Где мы находимся, приятель?

— Это не важно! — говорит Фрасколен.

— Ладно! — вмешивается опять Себастьян Цорн. — Спроси-ка у него лучше, есть ли в этой дыре постоянный двор... Надоело мне шататься по ночам...

— Друг мой, — спрашивает Фрасколен, — имеется ли в Фрескале какой-нибудь постоянный двор?

— Да... Там мы должны были менять лошадей.

— И чтобы добраться до этого поселка, надо идти по дороге?

— Прямо по дороге.

— Пошли! — кричит виолончелист.

— Но как быть с этим беднягой? Жестоко оставлять его одного... в таком положении, — замечает Пэншина. — Послушайте, приятель, а с нашей помощью вы не могли бы?..

— Невозможно, — отвечает кучер. — Да я сам лучше останусь здесь... у кареты... Утром я уж соображу, как отсюда выбраться.

— Нам бы только добраться до Фрескаля, — продолжает Фрасколен, — а там мы могли бы послать кого-нибудь к вам на помощь...

— Да... хозяин постоянного двора меня хорошо знает — и не оставит в беде...

— Ну что ж, идем?.. — восклицает виолончелист, берясь за футляр своего инструмента.

— Сию минуту, — отвечает Пэншина, — но сперва помогите-ка мне устроить нашего кучера на откосе.

Действительно, его необходимо унести с дороги, и, поскольку он не в состоянии пользоваться своими порядком-таки поврежденными ногами, Пэншина и Фрасколен поднимают его, переносят и усаживают под большим деревом, нижние ветви которого спускаются зеленым пологом.

— Двинемся ли мы когда-нибудь?.. — вопит Себастьян Цорн в третий раз. Тем временем при помощи ремней он уже пристроил футляр у себя за спиной.

— Готово, — говорит Фрасколен.

Затем он обращается к кучеру:

— Итак, решено... Хозяин фрескальского постоянного двора пришлет за вами... А сейчас вам ничего не нужно, приятель?..

— Да вот, — отвечает кучер, — хотелось бы глотнуть джину, если у вас во фляжках осталось.

Фляжка Пэншина еще полна, и «Его высочество» охотно жертвует ее.

— Ну, милейший, — говорит он, — чтобы не продрогнуть, ночью вы будете подогревать себя... изнутри!

Очередное негодующее восклицание виолончелиста наконец побуждает его товарищей двинуться в путь. Хорошо еще, что их вещи остались в багажном вагоне поезда и не были перенесены в карету. Если даже вещи и прибудут в Сан-Диего с запозданием, музыкантам по крайней мере не придется тащить их на себе до Фрескаля. С них достаточно и скрипок, и даже больше чем достаточно футляра с виолончелью. Правда, ни один музыкант, достойный этого имени, никогда не расстается с инструментом, так же как солдат со своим ружьем или улитка со своей ракушкой.

Глава вторая МОГУЧЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КАКОФОНИЧЕСКОЙ СОНАТЫ

Идти ночью по незнакомой дороге в пустынной местности, где злоумышленники обычно встречаются чаще, чем мирные путешественники, — дело, внушающее некоторое беспокойство. Именно в таком положении и оказался квартет. Французы, разумеется, народ храбрый, а уж у наших героев храбрости было хоть отбавляй. Но между храбростью и безрассудством существует граница, преступать которую неблагоприятно. В конце концов, если бы железнодорожный путь не оборвался на равнине, затопленной наводнением, если бы карета не перевернулась в пяти милях от Фрескаля, нашим артистам не пришлось бы пускаться в ночное путешествие по этой подозрительной дороге. Впрочем, будем надеяться, что с ними ничего худого не случится.

Было около восьми часов, когда Себастьен Цорн и его товарищи двинулись к побережью, в направлении, указанном кучером. Скрипачам грешно было бы жаловаться на свои кожаные футляры с инструментами, легкие и не громоздкие. Они и не жаловались — ни мудрый Фрасколен, ни веселый Пэншина, ни мечтатель Ивернес. Но каково было виолончелисту с его ящиком — целый шкаф на спине! Разумеется, при своем характере он находил

достаточно поводов для гнева. Отсюда и ворчание, и жалобы, изливавшиеся потоком междометий: ах! ох! уф!

Уже совсем стемнело. Густые облака мчатся по небу, и порою в узкие просветы между ними насмешливо выглядывает лунный серп. Неизвестно отчего, вернее всего, просто потому, что он сейчас сердит и сварлив, Себастьяну Цорну не нравится светлокудрая Феба. Он грозит ей кулаком и кричит:

— Ну а ты чего выставила свой дурацкий профиль! Что может быть нелепее этого ломтя недозрелой дыни, который разгуживает по небу!

— Было бы лучше, если бы луна повернулась к нам фасом, — говорит Фрасколен.

— Это почему же?.. — спрашивает Пэншина.

— Да потому что нам тогда было бы светлей.

— О непорочная Диана, — декламирует Ивернес, — о мирная вестница ночей, спутница земли, о ты, обожаемый кумир прелестного Эндимиона!..

— Прекратишь ли ты свою балладу? — кричит виолончелист. — Беда, если первые скрипки начинают нажимать на квинту!

— Прибавим-ка шагу, — говорит Фрасколен, — а то мы рискуем заночевать под открытым небом...

— Если оно не будет затянуто тучами... А кроме того, мы рискуем опоздать на концерт в Сан-Диего, — замечает Пэншина.

— Что за глупая затея! Черт побери! — восклицает Себастьян Цорн. От его резкого движения футляр с виолончелью издает жалобный звук.

— Но ведь затея эта, старик, была твоя... — говорит Пэншина.

— Моя?..

— Ну ясно! А почему нам было не остаться в Сан-Франциско? Ублажали бы слух милейших калифорнийцев...

— Еще раз спрашиваю, — говорит виолончелист, — зачем мы поехали?

— Потому что ты так захотел.

— Ну, надо сознаться, это была пагубная мысль, и если...

— Ах!.. Друзья, поглядите! — перебивает Ивернес, указывая на небо, где тонкий луч луны осветил края одного облака.

— В чем дело, Ивернес?

Верн Ж.

В 35 Плавающий остров. Робур-Завоеватель. Властелин мира : романы / Жюль Верн ; пер. с фр. Я. Лесюка, Д. Лившиц, Е. Лопыревой и др. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 832 с. : ил. — (Мир приключений. Большие книги).

ISBN 978-5-389-33580-6

Классика приключенческой литературы от основоположника жанра научной фантастики, великого выдумщика и просветителя Жюль Верна. Живые персонажи, яркие географические зарисовки и, конечно, научные сведения, органично вплетенные в приключенческий сюжет, — вот визитная карточка захватывающей прозы французского писателя. В настоящее собрание вошли три романа, сюжет которых движут фантастические изобретения в области транспорта.

«Плавающий остров». Гигантский самоходный остров на стальных понтонах бороздит просторы Тихого океана. На нем раскинулся целый город с искусственной рекой, парками, бульварами, променадами и всеми мыслимыми благами цивилизации. Толстосумы, построившие этот океанский Эдем на электрической тяге, могут позволить себе все — даже похитить квартет музыкантов-виртуозов для услаждения слуха пресыщенной публики, населяющей Миллиард-Сити. Чего они не могут, так это прожить без борьбы за влияние и корыстные интересы.

«Робур-Завоеватель». Гениальный изобретатель Робур не остановится ни перед чем, чтобы доказать превосходство летательных аппаратов тяжелее воздуха над воздушными шарами. Мало ему было спровоцировать перестрелку на заседании Уэлдонского ученого общества, так он еще и похитил председателя с его слугой и секретарем, чтобы отправиться в головокружительное путешествие через всю планету на гигантском воздушном корабле «Альбатрос».

«Властелин мира». Америка встревожена не на шутку: на дорогах, в небе, на воде и под водой наблюдаются загадочные и опасные явления, сбивающие с толку ученых. За расследование берется инспектор Джон Строк и, несмотря на все препоны и угрозы, выходит на след человека, называющего себя Властелином мира. Это ему принадлежит неуловимая и грозная машина — гибрид автомобиля, корабля, подводной лодки и летательного аппарата.

Издание сопровождают иллюстрации Леона Бенетта, Жоржа Ру, Георгия Фитингофа.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ЖЮЛЬ ВЕРН
ПЛАВУЧИЙ ОСТРОВ
•
РОБУР-ЗАВОЕВАТЕЛЬ
•
ВЛАСТЕЛИН МИРА

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова,
Валерия Макарова, Александра Сабурова
Корректоры Алиса Павлова, Дмитрий Капитонов

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 27.07.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆ Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 50,96. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»
в г. Санкт-Петербурге,
195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ.,
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-MPB-42954-01-R